

Е. А. Кожемякин
Белгород, Россия

E. A. Kozhemyakin
Belgorod, Russia

**ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД**

**KNOWLEDGE PRODUCTION
IN POLITICAL DISCOURSE:
A SOCIAL-EPISTEMOLOGICAL VIEW**

Аннотация. Политический дискурс рассматривается как комплекс условий текстопорождающих практик, эффектом которых является производство определенного типа знания. Анализируются основные познавательные операции, реализуемые в политической дискурсивной практике — репрезентация, категоризация, интерпретация и конвенция.

Abstract. Political discourse is described in the paper as a set of conditions for text constructing practices which effect in production of a certain type of knowledge. The article discusses such main cognitive operations to specify the political discourse practice as representation, categorization, interpretation and convention.

Ключевые слова: институциональный дискурс; политический дискурс; социальная эпистемология; эпистемические практики; политическая коммуникация; познавательные стратегии.

Key words: institutional discourse; political discourse; social epistemology; epistemic practices; political communication; cognitive strategies.

Сведения об авторе: Кожемякин Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью, доцент, факультет журналистики.

About the author: Kozhemyakin Evgeny Alexandrovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Journalism and Public Relations, Assistant Professor, Faculty of Journalism.

Место работы: Белгородский государственный университет.

Place of employment: Belgorod State University.

Контактная информация: 308015, г. Белгород, ул.Победы, 85.
e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru.

Современные представления в гуманитаристике о характере и «порядке» формирования знания в различных речевых практиках можно выразить в ряде тезисов: познание не в меньшей, а возможно и в большей степени имеет отношение к его социальным условиям, чем к познающему субъекту (его психическим свойствам и индивидуальному опыту) и к объекту познания; познание социально, а значит, детерминировано и обусловливается действием социальных сил — власти, институтов, интересов; знание «производится» в социально детерминированном процессе познания, а не только выводится из субъективных характеристик или объекта; знание создается в ходе дискурсивной практики и выражается в виде текстов, форма и содержание которых конституируются социальными нормами познания.

Исходя из этих допущений, определенная дискурсивная практика, в ходе которой вырабатывается тот или иной тип знания, определяется социально и институционально. Знание, характерное для религии, не сводимо, а часто и не сопоставимо с политическим знанием не столько в силу несовпадения их логико-формальных признаков или содержательного компонента, а в силу различных социальных детерминант производства. Вследствие различий социальных контекстов знания одно и то же сообщение, транслируемое, например, в рамках религиозной и политической коммуникации, будет интерпретировано по-разному. В свете этого лингвистика разрабатывает неклассический, социально-эпистемологический фокус исследования, при котором в качестве предмета исследования выбираются языковые единицы как репрезентанты не объективного мира, а конвенциональных (социальных, институциональных) норм. Фактически речь идет о дискурс-анализе, «телеология» которого состоит в поиске внеязыковых оснований языковых феноменов, порождающих определен-

ные (характерные для определенной социокультурной среды) типы знания.

Политический дискурс в таком контексте представляется одним из наиболее ярких и продуктивных смыслопорождающих феноменов, характерные особенности которого явным — более явным, чем, например, в случае с научным или религиозным дискурсами — образом демонстрируют социальную обусловленность знания, конструируемого его средствами. В этой работе мы обсудим некоторые существенные когнитивно-эпистемические механизмы политического дискурса, предварив анализ общим описанием данного вида дискурса.

В современных (преимущественно критических) теориях дискурса достаточно часто имплицитно или эксплицитно утверждается идея об абсолютно («тотально») дискурсивной природе политики (см., например, работы Э. Лаклау, Ш. Муфф, Л. Чулиараки и др.). В таком понимании все политические процессы, отношения, явления сводятся исключительно к дискурсивной практике: политика есть только поле мышления, говорения и восприятия, в то время как конкретные действия являются не чем иным, как «посредниками» дискурсивных процессов. Очевидно, что это является своеобразной интерпретацией мысли Фуко о властном характере дискурса; однако подобная трактовка идей французского философа требует ревизии. Опираясь на концепцию аутопоетической социальной системы Никласа Лумана, современные эпистемологи рассматривают политический дискурс как форму общества и культуры. Так, обращение президента к гражданам следует рассматривать не как точку соприкосновения политического процесса и идеологической дискурсивной практики, а как дискурсивную форму политики. Политика такова, как она представлена в конкретных дискурсивных моделях своего существования. При этом часто принцип по-

литической деятельности заложен в самой речемыслительной (дискурсной) деятельности.

Под *политическим дискурсом* в этой статье понимается *регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, направленная на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе.*

Центральным «узлом» этого типа дискурса является его подчиненность властным практикам и целям — удержанию, воспроизводству, перераспределению власти. Собственно, все специфические черты политического дискурса, связанные с созданием и трансляцией особого типа знания, обусловлены этой подчиненностью, т. е. телеологически и прагматически детерминированы. При этом нельзя не учитывать особенности предметной области политического дискурса, в котором ключевое место занимает концепт «власть». Согласно Е. И. Шейгал [Шейгал, 2004], производство политических высказываний и принятие политических решений связано с процессами объективации и «реификации» властных отношений в обществе. С этой точки зрения политический дискурс, с одной стороны, обладает высоким генеративным потенциалом, что выражается в таких его качествах, как *медийность, информативность, институциональность*, с другой — основывается на создании *эффекта инкорпорации власти*, ее перевода во «внутренний план», интериоризации. Кроме того, специфика политического дискурса отражается в характере отношений между властью и субъектом: эти отношения понимаются как сугубо ролевые, что позволяет делать утверждение о *театральности* политики и политического дискурса. Как отмечает Е. И. Шейгал, «театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации — народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие» [Шейгал 2000]. Помимо театральности, специфика политического дискурса может быть описана в терминах *фантомности, фидеистичности, эзотеричности, дистанцированности и смысловой неопределенности*. Кратко поясним их.

Поскольку основной целью политики является получение и удержание власти, особое значение приобретают дискурсные формы, работающие на создание эффекта сакральности сказанного. Такие свойства, как фантомность, фидеистичность, эзотеричность являются ключевыми в политическом дискурсе, что позволяет провести аналогии с религиозным дискурсом. Именно эти свойства создают сакральный эффект присутствия власти как силы, одновременно материальной и интериоризованной. Говоря об интериоризации власти, следует иметь в виду психический процесс и результат «согласия» с властью и ее «принятия», в то время как сама власть в ее субстанциональном понимании мыслится в категории дистанцированности. Власть всегда «где-то там», и в то же время ее действие мы ощущаем «здесь и сейчас». Дистанцированность является неотъемле-

мой чертой властных отношений и усиливает эффект сакральной удаленности, величия и возвышенности представителей власти. Тот же эффект достигается за счет смысловой неопределенности — одной из характерных прагматических черт языка политики, служащего не для обмена информацией, а прежде всего для воздействия на адресата. В связи с этим Е. И. Шейгал выделяет такое качество политического дискурса, которое связано с магической функцией политического дискурса в том ее понимании, которое предложил Ролан Барт в известной работе «Мифологии» [Барт 2000]: политический дискурс не просто констатирует положение дел, но «заклинает» таким образом, что референции политических высказываний становятся частью реальности; магия политики подразумевает, что слово рассматривается как часть самого предмета. Понятно, что такой «магический язык» разделяют и «профессионально» используют «посвященные», с чем связано еще одно свойство политического дискурса — эзотеричность. Язык политического дискурса более или менее однозначно распознается и воспринимается аудиторией, но при этом она может испытывать определенные затруднения в интерпретации ряда популяризованных понятий. Так, понятия «демократия» или «государственные интересы» обладают известным коммуникативным эффектом, однако их семантический потенциал характеризуется значительной степенью неопределенности и размытости значения, по крайней мере для большинства адресатов. Семантическая неопределенность политической лексики компенсируется ее высокой оценочностью: *коммуникативный эффект политического дискурса связывается в первую очередь с эмоциональной, а не рациональной вовлеченностью адресатов политических сообщений.*

Эти свойства особенно ярко проявляются в ритуальных жанрах политического дискурса (инаугурационное обращение, юбилейные выступления, традиционные речи и др.). Д. Гудков следующим образом поясняет сущность ритуальных жанров: «В ритуальных жанрах фатика замещает информативность, вербальные составляющие текста подчинены форме сообщения и отличаются незначимостью. ...<Они> прежде всего, ориентированы на выражение идеи интеграции, единения народа» [Гудков 1998: 45].

Перечисленные ключевые специфические черты политического дискурса коррелируют с его базовыми когнитивно-эпистемическими особенностями. Рассмотрим их подробнее.

Для политического, как и для иных институциональных дискурсов, характерны способы эмпирической аргументации; однако в политическом дискурсе преобладает подтверждение следствий, в то время как, например, для медицинского или научного дискурса характерны прямое подтверждение и использование примеров. Аргументы к традиции и авторитету, эмоциональное внушение, агональность политического дискурса в очередной раз демонстрируют точки его соприкосновения с религиозным и педагогическим дискурсами. Арсенал аргументативных техник, используемых в политике, свидетельствует о принципиальной невозможности верификации политических сужде-

ний, об их фантомности и фантастичности. Собственно, фантомы и фантазии, как было показано выше, составляют ядерные элементы политического дискурса, ключевым из которых является феномен власти. В данном случае нетрудно обнаружить аналогии с феноменом религиозной веры в дискурсе религии.

Поскольку политический дискурс используется во властных целях, то очевидна тенденция к охвату массовой аудитории за счет идеологического противопоставления целевой аудитории иной, такой же массовой, но «чужой» социальной категории. Иными словами, речь идет о разделении социального поля на «своих» и «чужих». В этом отношении одним из наиболее типичных для политического дискурса способов познания является генерализация, обобщение, при котором происходит упрощение категорий по принципу их объединения: например, разнородные части целевой аудитории политического дискурса представляются как имеющие ряд существенных объединяющих черт, в то время как разъединяющие их качества демонстрируются как несущественные или вовсе игнорируются. Одной из таких генерализованных категорий политического дискурса является категория «народ». Однако такому же обобщению подвергается и противопоставляемая целевой аудитории группа. В этом измерении политический дискурс демонстрирует диалогическое противопоставление «верной» («своей») и «неверной» («чужой») точек зрения.

Важно отметить, что в когнитивно-эпистемическом отношении политический дискурс отличается от иных типов дискурса тем, что оценка истинности высказываний осуществляется на основе, во-первых, оценки их авторства и, во-вторых, оценки их соответствия центральной (идеологической) точке зрения на ключевые объекты дискурса. Если для религиозного дискурса одним из ключевых критериев «приемлемости» высказывания является его соотнесенность с субъективным опытом веры, то для политического — его соответствие прецедентным высказываниям группы «власти». С другой стороны, мы отмечаем и точки пересечения между политическим и религиозным дискурсами: таковыми является «презумпция истинности» тех высказываний, которые соответствуют догматическим установкам и/или картине мира, принятым в социальном институте (например, идеологическим установкам в политике или церковным догмам в религии).

Дискурс власти фиксирует распределение «статусов истинности» не только между различными высказываниями, но и между различными авторами дискурса. В самом крайнем проявлении подобной сегментации политических сообщений на «верное знание», «ошибочное мнение», «ложь», «заблуждение», а также на тех, кто заведомо продуцирует перечисленное, политический дискурс функционирует в тоталитарных обществах в форме идеологически-пропагандистского дискурса.

Этим тенденциям «принуждения к правильному знанию» и истинностной оценки высказываний по принципу оценки автора подчиняются все основные познавательные операции: репрезентация, категоризация, интерпретация и конвенция.

Политическая *репрезентация* как способ познания представляет собой не отражательную процедуру по отношению к объективной политической реальности, а опосредованные институциональными нормами, языком, стереотипами и т. д. восприятие и представление объектов, которым приписывается политический статус. Репрезентировать в политическом дискурсе означает не просто выразить с помощью языковых средств и механизмов образ реальности, но предопределить его содержание и возникновение в сознании адресата, что достигается с помощью целенаправленного и осознанного использования определенных знаково-символических форм. Политик, репрезентируя, не столько представляет образ реальности, существующий в его сознании, сколько демонстрирует то, каким должен быть образ реальности. В этом смысле репрезентация как познавательная операция выполняет конструирующую функцию в политическом дискурсе. Политические высказывания, формально содержащие в себе операторы репрезентации («я думаю, что...»; «мне представляется, что...»; «нам кажется, что...»), фактически реализуются так, как если бы они содержали операторы долженствования («необходимо, чтобы...»; «требуется, чтобы...»), а описание ситуации фактически реализуется как ее проектирование. Идеи Хайдеггера о том, что практические повседневные действия, единственно доступные нашему восприятию непосредственно, требуют специального языка и определенных моделей экспликации, подтверждаются на примере политического дискурса. Политический общественный институт действительно располагает специфичным языком, применение которого к повседневности может способствовать построению особой политической картины мира, в которой доминируют не обобщения повседневного опыта, а убеждения и верования идеологического порядка.

Если ключевой момент генерализации и репрезентации как когнитивных операций политического дискурса заключается в выделении, а также языковом выражении границы легитимного и «справедливого» мира (различение «своих» и «чужих»), то основной задачей *категоризации* как познавательной операции разделения на роды и виды, классы и типы объектов является сегментация выделенных в результате генерализации семантических пространств. «Свои» наделяются определенными свойствами, которые позволяют однозначно отличать их от «чужих». Распределение политических идентификаций, «реестр ценностей», иерархизация смыслов — всё это характеризует операции категоризации в политическом дискурсе. Категоризировать в политическом дискурсе — значит упорядочить поле репрезентаций таким образом, чтобы были поддержаны основные политико-идеологические ценности и цели. Именно идеологические и институционально закреплённые ценности той или иной политической системы являются критерием осуществления операции категоризации.

Более подробно вопросы категоризации мира политики рассмотрены Е. И. Шейгал в работе «Семиотика политического дискурса» [Шейгал

2004]. В общих чертах выводы проведенного ею исследования сводятся к следующему. Семиотически-дискурсивное поле политики располагает достаточно широким спектром различных знаков, которые отражают особенности категоризации опыта в сознании субъектов дискурса. К подобным знакам Е. И. Шейгал относит знаки ориентации (политические номинации, термины, политическая символика и т. д.), знаки интеграции (национально-государственные символы, «инклюзивные наименования» политических объектов — «Общее дело», «Наш Дом Россия»), агональные знаки (маркеры «чуждости», инвективные номинации, пейоративы, ярлыки).

Политическая категоризация, с точки зрения Т. ван Дейка, строится на базе определенных идеологических ментальных схем, которые и включают такие категории, как групповая идентичность (конструируемая чаще всего на этнической основе), цели (например, дистанцирование, противостояние, консолидация), ценности и нормы, статусные отношения (превосходство и «исключительное право» «своей» группы), ресурсы (власть, территория, благосостояние и прочие) [Dijk 1998]. Каждая из этих категорий подчиняется политическим целям достижения и поддержки власти за счет общественного мнения, индивидуальных и коллективных убеждений и верований, коллективно разделяемых ценностей. Как утверждал Р. Барт, «язык — это средство классификации, и всякая классификация есть способ подавления» [Барт 1994: 548].

Одним из наиболее важных способов категоризации в политическом дискурсе мы считаем историзацию как своего рода расчленение действительности на прошлое, настоящее и будущее. Конструирование темпоральной преемственности, последовательности и перспективности предстает как создание трех измерений субъекта дискурса — прошлого, настоящего и будущего, — причем их линейное расположение характеризуется как некоторое движение от простого к сложному, от несовершенного к идеальному, от неверного к истинному; негативный полюс такой линейности всегда расположен в прошлом, бифуркационный период (с постулируемой необходимостью индивида делать «правильный политический выбор», а следовательно «выбирать свое и общее будущее») — в настоящем, а идеальное и желаемое положение дел — в будущем. Помимо очевидной функции создания смысложивизненной перспективы (а значит, стимулирования практических действий индивида), такая схема категоризации времени в политическом дискурсе позволяет сравнить его с религиозным дискурсом, в котором картина мира сегментизируется схожим образом: «греховное прошлое» — «тяжелое настоящее» с модусом ответственности за выбор и принятие решения — спасение и блаженство в будущем. «Эсхатологические настроения» политического дискурса объясняются главным образом своеобразным способом легитимации власти, в соответствии с которым власть представляет оправдание и обоснование самой себя в эмпирически не наблюдаемом будущем, что позволяет ей снять вопрос верификации истинности собственных высказываний: факты будущего не проверяемы, в них следует поверить и

ждать их свершения. Поэтому политические высказывания настолько богаты обещаниями: обещать — значит отсрочить проверку искренности позиции говорящего и истинности его высказываний. Собственно, сам вопрос доказательств становится второстепенным в политическом дискурсе, уступая вопросу о потенциальной доказуемости и доверия (веры) содержанию дискурса адресанта.

Операция *интерпретации*, заключающаяся в «переводе формальных символов и понятий на язык содержательного знания» [Микешина 2007: 137], представляется одной из базовых познавательных операций в политическом дискурсе. Ее значимость объясняется преимущественно тем, что субъект политического дискурса находится в интердискурсивном пространстве, наполненном различными смыслами, значениями, знаками, ценностями, репрезентация которых может совпадать в различных дискурсивных средах, а категоризировать которые не всегда достаточно для успешной ориентации в дискурсе. Политические стратегии и технологии часто подразумевают обращение к до-рефлексивному опыту, к экзистенциальному уровню существования индивида. В свете этого политический дискурс во многом опирается на «пред-рассудки и пред-мнения» (Гадамер) и представляет собой ту сферу, в которой реализуются «схематизмы опыта» и осуществляется понимание, основанное на культурном и социальном опыте адресатов.

Интерпретации в политическом дискурсе ориентированы на создание и воссоздание реальности, факты которой организуются и упорядочиваются определенным образом. Более того, фактом в политическом дискурсе объявляется то, что соответствует определенной (идеологической) картине мира. Формальным элементом политической интерпретации является смысл, который, согласно Максиму Веберу, состоит в том, чтобы сделать возможными определенные точки зрения и оценки [Вебер 1995: 32].

Механизм политической интерпретации может быть раскрыт на основе идей Доналда Дэвидсона, утверждавшего, что интерпретация речевого акта подразумевает понимание «нереализованных диспозиций говорящего», включающих в себя убеждения, намерения, желания адресанта. Характер реализации диспозиций представляет собой вербализацию докоммуникативных состояний, тогда как сами состояния могут быть охарактеризованы как довербальные. Соответственно манипулятивный характер политической интерпретации проявляется в том, что, «приписывая» адресанту определенный набор речевых актов, вербализуя его «нереализованные диспозиции», политик, по сути, моделирует сами диспозиции и намерения говорящего. Таким образом, политическая интерпретация нацелена не столько на понимание объективной реальности или установок и намерений говорящего, сколько на оказание влияния и стимулирование слушающего. Любое интерпретирующее высказывание политического дискурса может быть оценено как «истинное» при условии его соотнесенности с идеологической картиной мира. Косвенным аргументом в пользу этого, как утверждает Е. Г. Задворная, является отсутствие презумпции искренности субъекта: «в

рамках данной (политической — Е. К.) дискурсивной сферы истинностная оценка легко переходит из области неконтролируемых заблуждений в область приписываемой оппоненту сознательной лжи (фальсификации, дезинформации и т. п.)» [Задворная 2001: 240].

В реализации указанной стратегии интерпретация в политическом дискурсе имеет ряд интенциональных характеристик, на которые указывает Е. И. Шейгал: эвфемизация и дисфемизация как способы уклонения от истины, прогностическая эзотеричность, референциальная неопределенность. На наш взгляд, все перечисленные и прочие характеристики (например, перформативность) политической интерпретации свидетельствуют о том, что ее ключевым механизмом является связывание индивидуальных убеждений и мнений с коллективным политическим знанием. Позиция индивида подстраивается и включается в легитимную картину мира, поддерживаемую конкретной идеологией (понимаемой в узком смысле как система идей, обусловленных интересами правящего класса) политического института. В свою очередь, это необходимо для унифицирования и интеграции индивидов в единое политическое поле.

Конвенция как познавательная операция связана с аспектом нормирования политического института. Как и любой другой институт, политика базируется на комплексе норм-конвенций, носящих искусственный характер. По утверждению Л. Микешиной, «нормативные высказывания — это вид оценочных суждений, регулирующих деятельность и коммуникации людей на основе соглашения. В конечном счете, они базируются на признании той или иной социально апробированной системы ценностей» [Микешина 2007: 150—151]. Вопросы достижения и удержания власти, ключевые для политического дискурса, решаются преимущественно в конвенциональном поле, причем это поле отличается высокой подвижностью: одни нормы, регулирующие познание в сфере политики, сменяются другими, и часто стремительно. Характерной особенностью политического дискурса является то, что не существует или практически не встречается преемственность и эволюция нормативной сферы, как это отмечается в отношении научного или даже религиозного дискурса. Довольно часто в истории мы можем обнаружить примеры того, как со сменой политического режима приходят новые политические нормы, отрицающие предыдущие. При этом вряд ли приходится говорить о ревизии или переоценке конвенций предыдущего политического порядка: поскольку смысл изменения политического режима состоит в перераспределении власти, то отношение к политическим оппонентам и к их нормативным системам мыслится исключительно как критически-оценочное.

Обратим внимание на то, что политические нормы-конвенции безусловно связаны с вопросами этики в большей степени, нежели нормы, основанные на соглашении, в иных дискурсивных сферах. Поскольку политические проблемы власти есть не что иное, как вопросы доминирования и подчинения, то права человека суть то, что как

ограничивает, так и обуславливает конвенциональный механизм политического дискурса. Результаты наблюдения и измерения в дискурсе политической культуры определяются принятыми соглашениями, искусственно установленными законами, соответственно в политике велик риск волюнтаристской позиции по отношению к правам и свободам личности. Так, например, ряд социальных характеристик, таких, как социальное положение, общественное мнение или образ жизни, не имеет четких критериев измерения, и их содержание в значительной степени зависит от гипотезы или интересов субъекта политического дискурса; действия, которые следуют из политического решения, принятого на основе оперирования этими социальными характеристиками, могут существенно ограничить свободы личности.

Итак, во-первых, политический дискурс ориентирован не столько на «отражение» объективной реальности, сколько на ее создание и воссоздание, и эпистемические операции в значительной степени подчинены этой особенности политики. Даже строго описательные, на первый взгляд, цели политического дискурса реализуются с широким использованием оценочно-экспрессивных средств, перформативов и прогностических элементов, которые позволяют воссоздавать отношения доминирования и подчинения.

Во-вторых, цель конструирования политической реальности достигается в политическом дискурсе с помощью оперирования неоднозначными и нестрого определенными представлениями об объектах, понятиями, а также представлениями об адресатах политических высказываний. Организация политической дискурсивной практики такова, что «размытость» потенциальной аудитории парадоксальным образом способствует включению в поле адресатов все большего числа индивидов.

В-третьих, при достаточно однообразных «стратегиях» реализации политического дискурса институт политики использует довольно широкий спектр «тактик»: инструменты политического дискурса гораздо богаче политических целей, что обуславливает манипулятивный характер дискурса, в частности возможность вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1994.
- Барт Р. Мифологии. — СПб., 2000.
- Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Культурология. XX век : антол. — М., 1995.
- Гудков Д. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России — 2 : материалы раб. совещания. — М. : Диалог-МГУ, 1998.
- Задворная Е. Г. Дискурсивные эпистемические трансформации // Постмодернизм : энцикл. — Минск, 2001.
- Микешина Л. Эпистемология ценностей. — М. : Росспэн, 2007.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
- Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6.
- Dijk, T. A. van. Political discourse and political cognition // Paul A. Chilton & Christina Schäffner (Eds.). Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева